

Глава 4

Баоцзайфань

Ань Сынянь сидел на переднем сиденье, задыхаясь от удушливой смеси нескольких видов парфюма и резкого запаха кожи. Откуда-то сзади и вовсе доносилось нечто неопишное, что лишь укрепило юношу в решимости поскорее убраться подальше от мегаполиса.

К счастью, спустя полчаса они прибыли на место.

Агроусадьба пряталась в гуще рощи личи на стыке города и пригорода. В мае деревья уже были усыпаны плодами, которые напоминали гроздь маленьких красных фонариков среди сочной зелени.

Внезапно из-за корней выскочил десяток кур. Похлопывая разномастными крыльями, они принялись исполнять среди деревьев некое подобие танца «шагов по волнам». Предводитель стаи, самый жирный и хохлатый петух, нес на голове три нелепых пёрышка, а к его лапе прилип кусок разбитой яичной скорлупы.

За поросшим мхом бамбуковым забором виднелись деревянные ворота, на которых красовалась небрежная надпись: «Лисянцзюй».

Из заднего двора вышел человек с плетёным подносом и принялся активно зазывать гостей:

— Не желаете номицы? Сладкие, как первая любовь! Пообедаете, а потом наберёте парутройку цзиней с собой?

От такого сравнения гастрономический порыв Ань Сыняня мгновенно угас.

«Если вспоминать вкус моей первой любви, то на ум приходит лишь привкус плесени — той самой, что сопутствует большим бедам. Горечь, терпкость и лёгкое чувство тошноты. Ничего сладкого».

Если вдуматься, именно та история, скорее всего, и стала причиной появления его Демона сердца.

Подул вечерний ветерок, принося с собой тонкий аромат фруктов. Раз уж перед ним была еда, Ань Сынянь предпочёл не тратить силы на мысли о том подонке, своём бывшем.

Пройдя ещё немного по деревянной галерее, украшенной неоновыми гирляндами, они оказались у нужной кабинки, где их уже поджидал директор Ли. Это был мужчина лет сорока с лишним, изрядно раздобревший и одетый в светлую футболку-поло. При виде вошедших он

слегка приподнял брови и указал на стул рядом с собой:

— Сяо Ань выглядит ещё свежее, чем при нашей последней встрече. Ну, присаживайся здесь.

— Директор Ли мне льстит, — отозвался Ань Сынянь.

Он спокойно сел, позволив мужчине панибратски похлопать себя по плечу. Обострившийся слух уловил пульс соседа — тот частил так, словно директор только что пробежал марафон.

«С чего бы ему так волноваться?» — парень бросил на него беглый взгляд. Лицо собеседника заметно покраснело — вероятно, гипертоник.

Ню Цзюньхэ тем временем суетливо разливал «Маотай»:

— Наш Сяо Ань просто боготворит директора Ли. Сегодня я специально привёз его, чтобы он составил вам компанию и выпил с вами. Директор Ли, как вы смотрите на то, чтобы он в будущем отвечал за отчёты по проверке стройматериалов?

— Одно «боготворения» на словах маловато будет, — директор, не дожидаясь начала тостов, расстегнул воротник и принялся обмахиваться ладонью, — не так ли?

Он бесцеремонно оглядывал Ань Сыняня, словно оценивая товар. Тот проигнорировал сальный взгляд и уставился в свою рюмку. «Маотай» считался элитным алкоголем, так что стоило попробовать.

— Директор Ли, позвольте предложить тост за ваше здоровье.

Стопка крепкого спиртного исчезла внутри, и в теле юноши затрепетала крохотная нить ци. Она замерла между двумя листочками его духовного ростка, не решаясь проявиться окончательно. Энергии оказалось меньше, чем он ожидал.

«Маотай» делают из отборного сорго сорта «Хуньинцзы», в нём полно крахмала, а технология производства невероятно сложна. На один цзинь спирта уходит не меньше пяти цзиней зерна. Эта порция концентрированной энергии в двадцать пять миллилитров никак не могла быть хуже того пудинга боцзайгао.

«Неужели подделка?»

Алкоголь принёс Ню Цзюньхэ, и место встречи тоже выбирал он. Учитывая его скупость и мелочность, в фальшивом спиртном не было бы ничего удивительного.

Ань Сынянь поставил рюмку, и его энтузиазм поутих. Тем временем директор Ли придвинулся ближе и прошептал:

— О, а ты парень бойкий. Знаешь, Сяо Ань, если присмотреться... кожа у тебя просто чудесная. Белая, нежная. Говорят, ты раньше айдолом был? Несладко, небось, в шоу-бизнесе приходилось? Там ведь всякое... случается, а?

Пока он это говорил, его рука под скатертью медленно поползла по бедру Ань Сыняня вверх...

Что ж. Последние капли интереса к этому вечеру испарились мгновенно.

Ань Сыняню было немного жаль — бамбуковый рис так и не подали, и попробовать его, судя по всему, уже не удастся. Терпеть подобное он не собирался. Пора было уходить.

Он слегка хлопнул ладонью по столешнице.

Послышался оглушительный грохот — массивный круглый стол буквально сложился, полностью развалившись. Следом за ним бутылки, рюмки и тарелки с закусками с диким звоном посыпались на пол.

Ню Цзюньхэ среагировал молниеносно. Со вскриком он подскочил с места с такой прытью, которая никак не вязалась с его комплекцией, и чудом избежал общей участи.

Директор Ли, зажавший в руке палочки, оказался менее расторопным... вернее, он замер в «величественной позе», не шелохнувшись. Травм он не получил, но его окатило соусом с ног до головы. На светлой одежде расплылись пятна густого соуса, а на носках туфель из дорогой кожи повисли два колечка лука и кусок медузы.

Вот так...

Ань Сынянь на мгновение замер.

Он вовсе не собирался крушить мебель. Его планом было хлопнуть по столу, встать и под шумок применить к этим двоим небольшое наказание. Но, видимо, его новое тело ещё не привыкло к управлению потоками ци. Переборщил. Потерял контроль.

«Ну да ладно. Стол развалился — значит, старый был или некачественный. Пока я сам не признаюсь, никто не докажет, что это моя вина».

Не обращая внимания на остолбеневших собутыльников, юноша развернулся и вышел за дверь.

В кабинке остался директор Ли, пребывающий в полном шоке от «несчастливого случая». Добыча ускользнула, аппетит пропал. Схватив сумку, он поспешил прочь.

Ню Цзюньхэ разрывался между желанием задобрить важного гостя извинениями и необходимостью отбиться от хозяина заведения. Но силы были неравны: как только появились двое крепких официантов, начальнику пришлось оплатить не только весь счёт за ужин, но и выложить круглую сумму за сломанный стол.

***

У обочины Ань Сынянь ждал такси, глядя на мерцающие огни рожи личи.

Несмотря на провальную ужин, этот вечер подарил ему одну ценную идею.

«А что, если открыть агроусадьбу в подходящем месте?»

Это позволило бы скрыться от городского шума, решить вопрос с аномалиями во время тренировок и при этом зарабатывать на жизнь. С его кулинарными навыками и продуктами, выращенными на энергии ци, отбоя от клиентов не будет...

Хотя нет, агроусадьба — это слишком шумно. Готовить он не против, но если тратить на это всё время, когда же постигать Дао?

Нужно что-то похожее, но спокойнее.

«Может... гостевой дом?»

Комнат не должно быть много. Порядок может поддерживать приходящая уборщица. С едой тоже всё просто: что приготовил сегодня, то гости и едят. Не хотят — их проблемы.

Эта мысль казалась всё более здоровой. И уединённо, и не совсем в отрыве от цивилизации. Размышляя об этом, Ань Сынянь сел в машину и открыл в телефоне поиск информации.

Когда он вышел у ворот своего жилого комплекса, в нос ему ударил знакомый аромат. У самого входа работала закусочная, где уже много лет готовили отличный баоцзайфань.

«Раз бамбуковый рис не достался, баоцзайфань тоже сойдёт».

Ань Сынянь зашёл внутри, сделал заказ и снова уткнулся в телефон.

Спустя десять минут перед ним поставили дымящийся горшочек. В тот миг, когда он поднял

глиняную крышку, белесый пар, пропитанный ароматом поджаренного риса, вырвался наружу.

Грибы шиитакэ, напитавшись куриным соком, лоснились от золотистого жира. Кусочки курицы с бедрышек, замаринованные в ферментированном тофу до красноты, были полны нежного желе. Капли масла стекали по внутренним стенкам горшка, заставляя рис на дне аппетитно шкварчать. Судя по звуку, корочка-гоба уже запеклась до золотисто-коричневого цвета. Если поддеть её железной ложкой, она разломится, словно чипсы, но при этом будет таять во рту, отдавая сладостью соевого соуса.

Ань Сынянь плеснул в горшочек немного приправы, слегка перемешал рис и отправил первую ложку в рот.

— С-с-с...

Даже тело совершенствующегося не спасало от жара — пришлось судорожно глотать воздух.

Старое заведение держало марку. Курица была приготовлена идеально — нежная кожа буквально соскальзывала с палочек. Но грибы были ещё лучше: стоило зубам погрузиться в их мясистую плоть, как брызнул обжигающий сок, смешанный с ароматом обжаренного лука-шалота.

Потрясающе вкусно. И невыносимо горячо. Пришлось сделать огромный глоток холодного лимонного чая, чтобы прийти в себя.

Ань Сынянь полностью погрузился в процесс поглощения баоцзайфая с курицей и грибами, когда экран телефона на столе засветился. Сообщение от Фэн Лэлэ.

[Говорят, ты влип в крупные неприятности?]

«У этой Лэлэ новости разлетаются быстрее ветра», — подумал он.

За этот рабочий день воспоминания о жизни «офисного планктона» становились всё чётче. Тот Ли был прав — после университета Ань Сынянь действительно около года пытался пробиться в шоу-бизнесе. Особых талантов у него не было, его заманили туда исключительно ради красивого лица, буквально обольстив стаканчиком «Орео Макфлурри».

Он даже участвовал в одном популярном телешоу. Но по ряду причин вылетел в предпоследнем туре. Становиться звездой ему не особо хотелось, поэтому он бросил это дело, приехал в город S и нашёл нынешнюю работу.

За пять с половиной месяцев стажировки он оставался классическим стажёром — ни связей, ни опыта. Обсуждать в нём было нечего, кроме внешности. В интригах он не участвовал, но и изгоем не был. Из всех коллег лишь Фэн Лэлэ относилась к нему по-доброму: учила

пользоваться оборудованием, программами и всегда защищала перед остальными. Их отношения давно переросли в крепкую дружбу «по интересам», особенно кулинарным. Даже то угощение, на которое она его сегодня «развела», наверняка вернулось бы ему сторицей через пару дней.

Если бы он остался в компании.

Ань Сынянь не стал отвечать сразу. Он наклонил горшочек, чтобы добраться до самого дна. Сначала нужно закончить с едой. Спустя десять минут, когда с рисом было покончено, он заказал десерт из папайи с серебристым грибом и миндалем. Теперь можно было и поболтать.

[В какие ещё неприятности? Кто это говорит?]

Голосовое сообщение от Фэн Лэлэ пришло вместе с десертом. Подозревая, что оно будет эмоциональным, Ань Сынянь включил перевод в текст:

[Няньцзай, ты что, серьёзно облил дьявола Ли так, что он стал похож на рыбу с квашеной капустой? В нашем чате гурманов уже все на ушах стоят!]

Следом прилетело фото. На светлом поле директора красовалось масляное пятно, по форме действительно напоминавшее жирную рыбину.

Кто это снял? Неужели в той усадьбе был кто-то из компании? Композиция кадра была ужасной, освещение — ещё хуже, но... если быть честным, снято неплохо.

[Мы тут ещё на переработке, а Старина Нью уже вернулся в офис. Орет, термос свой об пол грохнул! Говорит, завтра покажет тебе, что такое суровость жизни!]

Когда пришло это сообщение, Ань Сынянь с шумом допивал остатки ледяного чая. Под звон льдинок его внутренний росток наконец выдал третью за вечер нить ци.

На душе стало легко, и он ответил всего двумя словами:

[Хе-хе.]

Что ж, пусть будет так. Завтра он с удовольствием посмотрит, насколько суровой может быть эта жизнь.